

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.06

Тенденции взросления современной российской молодежи: региональный аспект

Майя Андреевна ЯДОВА

кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Нахимовский пр-т, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: m.yadova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2988-1513

ЦИТИРОВАНИЕ: Ядова М.А. Тенденции взросления современной российской молодежи: региональный аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 102–116.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.06

Статья поступила в редакцию 26.05.2022.

Исправленный текст представлен 18.07.2022.

АННОТАЦИЯ. В работе анализируются региональные различия в тенденциях взросления современной российской молодежи. Выделяются ключевые факторы, сопровождающие процесс взросления представителей постсоветских поколений миллениалов и Z. Автор отмечает, что на модели взросления в XXI в. влияют определенные социокультурные, экономические особенности того или иного региона. России, отличающейся значительным региональным расслоением, свойственны глокальные – общеевропейские и локальные – тренды взросления. Для жителей столицы и больших городов характерна модель взросления, композиционно похожая на европейскую (хотя динамика наступления событий жизни, подразумевающих переход во «взрослый» статус, всё ещё различается), а сам процесс взросления дестандартизировался, став более сложным, поздним и растянутым во времени. Результаты социо-

логических исследований, в том числе проведенных автором настоящей статьи, фиксируют следующие тренды взросления российской (преимущественно городской) молодежи: откладывание наступления стартовых ключевых демографических событий (сепарация от родителей, обретение финансовой самостоятельности, первое трудоустройство, брак, рождение первого ребенка), ориентация на получение высшего профессионального образования, в том числе интерес к непрерывным образовательным траекториям. В то же время для молодежи некоторых российских регионов (прежде всего не относящихся к европейской части России, например, Северного Кавказа или периферийных/сельских районов Сибири) характерны более традиционные модели транзита во взрослую жизнь. Кроме того, автор размышляет о социоструктурных условиях формирования (первичный капитал социаль-

ного происхождения и другие личностные и социальные ресурсы) постсоветской молодежи и их связи с общемировыми трендами взросления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: тенденции взросления, региональные различия, поколения миллениалов и центениалов, российская молодежь, городская и сельская молодежь.

Введение

В условиях перманентной социальной турбулентности, характерной для эпохи постмодерна, целесообразно говорить об особых трендах взросления молодежи XXI века. Очевидно, что новые поколения формировались (и формируются) под влиянием глобальных социальных изменений в экономической, политической, культурной и других сферах общества. Рассуждая о взрослении представителей новых поколений, невозможно обойти стороной тему выбора жизненного пути. Обычно под жизненным путем понимают многоуровневый процесс, который основывается на «привязанных» к возрасту значимых периодах в нескольких взаимосвязанных жизненных сферах. Исследователи выделяют образовательную, профессионально-трудовую, семейную и иные траектории жизни отдельного человека, которые зависят от «биографических сценариев» других людей и определенных (социально обусловленных) условий жизни (включая региональную специфику, исторически сложившиеся социальные институты и политические события, сопровождающие процесс взросления) [Блоссфельд, Хьюиник, 2006, с. 18]. Постсовременное общество, не предлагая молодежи готовых сценариев жизни, требует от нее значительных адаптационных способностей, готовности

к переменам, а иногда и к резкой смене жизненного маршрута. Об этом остроумно сказал З. Бауман, назвав лучшей привычкой человека эпохи постмодерна умение обходиться без привычек [Bauman, 2001].

По мнению социальных исследователей, процесс взросления в обществе постмодерна сегодня существенно растянулся, охватив период так называемой зарождающейся взрослости (*emerging adulthood*), то есть примерно возраст молодости от 18 до 30 лет. Автор концепции «зарождающейся взрослости» американский психолог Дж. Арнетт считает, что это время «перехода», личностной и социальной нестабильности, формирования разного рода идентичностей, самостоятельного выбора жизненного пути [Arnett, 2000]. В последние годы исследования феномена позднего взросления набирают популярность. В США под эгидой Общества изучения «зарождающейся взрослости» (*The Society for the Study of Emerging Adulthood*) с 2013 г. издается международный междисциплинарный научный журнал *Emerging Adulthood*, посвященный проблемам взросления и адаптации молодежи разных стран мира; серьезный вклад в развитие данной концепции вносят и отечественные ученые (см., например: [Майорова-Щеглова, Митрофанова, 2020]). Обычно исследователи говорят о наступлении определяющих взросление стартовых событий жизни (завершение профессионального образования, первое трудоустройство, сепарация от родителей, создание семьи и рождение первого ребенка). Асинхронность данных событий в жизни нынешней молодежи выглядит естественной и является скорее вариантом нормы, чем исключением.

Напомним, что возрастные границы молодости социально обусловлены и достаточно сильно варьируются. В современном мире верхняя граница

молодости обычно охватывает период между 30 и 35 годами [Danesi, 2003], а молодым, согласно уточненной классификации Всемирной организации здравоохранения, считается возраст до 44 лет. Взятый человечеством тренд «на омоложение» нередко способствует инфантилизации молодежи и формированию в ее среде особого типа личности – кидалта (от англ. *kid* – ребенок и *adult* – взрослый). Разумеется, стоит подчеркнуть, что запаздывание в прохождении некоторых жизненных этапов или «выпадение» из жизненного цикла молодого человека отдельных маркеров взрослости нельзя считать признаком инфантильности. Целесообразнее говорить об одновременно протекающих тенденциях ускоренного (в одних случаях) и запаздывающего (в других) взросления [Майорова-Щеглова, Митрофанова, 2020].

Стоит отметить, что сегодняшняя молодежь – это прежде всего поколение миллениалов¹ (по мнению экспертов, следующее за ним и пока малоизученное поколение Z, представители которого родились в начале 2000-х годов, имеет схожие черты), существенно отличающееся от своих предшественников: цифровая реальность является неотъемлемой частью повседневной жизни миллениалов, им свойственно «отложенное» вступление во взрослую жизнь по сравнению со сверстниками из старших поколений [Радаев, 2019; Twenge, 2017]. Специфический режим взросления и сложные социальные условия жизни (мировой финансовый кризис, необходимость долгого обучения, проблемы с трудоустройством), в которых прошло становление миллениалов, создали предпосылки для формирования у молодежи особого, игрового (по аналогии с компьютерной игрой, в которой

легко «переиграть» негативный сценарий) отношения к жизни.

В зарубежной и отечественной научной литературе, как правило, отражены те или иные стороны жизни миллениалов, например, социокультурные особенности взросления представителей этого поколения в разных странах, сравнительный анализ миллениалов и других возрастных когорт, проблемы межпоколенческих отношений, жизнь миллениалов в условиях глобализации, цифрового и рыночного общества и т. д. В период пандемии COVID-19 особую популярность приобрела тема адаптационных стратегий миллениалов к новой реальности. Вероятно, адаптивная гибкость и цифровая компетентность миллениалов и следующих за ними центениалов («зумеров») как представителей первых цифровых поколений в современном мире будут способствовать преодолению негативных последствий коронавирусного кризиса.

Из зарубежных работ, посвященных миллениалам, выделим исследования Дж. Твенге [Twenge, 2017], Р. Болтон и А. Парасурамана [Bolton R.N. et al., 2013], Э. Ына [Ng, Schweitzer, Lyons, 2010] и др. Если говорить об отечественных работах, то проблемы миллениалов, как правило, являются предметом интереса социальных исследователей-ювентологов. В нашей стране первым наиболее масштабным и глубоким исследованием российских миллениалов стал получивший широкую известность проект отечественного социолога и экономиста В.В. Радаева [Радаев, 2019].

В настоящей работе приводятся результаты выполненного автором в рамках качественной методологической традиции социологического эмпириче-

1 Миллениалами, или поколением Миллениума, традиционно называют когорты родившихся в период с начала 1980-х до 2000-х годов, старшие из которых к новому тысячелетию окончили школу.

ского исследования (серия индивидуальных глубинных интервью с представителями российской молодежи) и вторичного анализа работ отечественных и зарубежных обществоведов. В теоретико-методологическом и концептуальном плане автор опирается не только на упомянутые выше разработки, но и на получивший известность в социальных науках деятельностно-активистский подход, предполагающий, что личность с сильными «агентивными» ресурсами способна к глубокому преобразованию общественной жизни [Sztompka, 2001; Ядов, 2001].

Модели взросления в постсовременном обществе: к вопросу о региональных различиях

В научной литературе в числе ключевых факторов, сопровождающих процесс взросления современной молодежи, обычно выделяют: удлинение периода юности, нелинейность и разнообразие вариантов жизненного пути, цикличность происходящих в жизни юношей и девушек событий [Bauman, 2001; Радаев, 2019; Serracant, 2015]. Из-за удлинения периода обучения и экономических сложностей молодые люди позже начинают профессиональную деятельность, обретают финансовую самостоятельность, откладывают вступление в брак и рождение детей. Нелинейный характер жизненного пути типичного миллениала приводит к нарушениям «прохождения» прежде традиционных этапов взросления: выбор и получение профессионального образования – первое трудоустройство – достижение материальной и жилищной независимости – создание семьи – рождение ребенка. Нередко уже имевшие ранее место в жизни молодого человека события повторяются вновь

и вновь: например, это касается возвращений в статус студента, в отчий дом после распада неформальных брачных отношений или развода. Впрочем, несмотря на объединяющие миллениалов поколенческие черты, современные тренды взросления в разных странах различаются, «встраиваясь» в местный социальный контекст и «обрастая» специфическими особенностями.

Представляется интересным и значимым предположение некоторых исследователей о том, что паттерны взросления зависят как от социально-культурных традиций того или иного общества, так и от свойственных странам режимов социального обеспечения [Esping-Andersen, 2015; Serracant, 2015; Walther, 2006]. Например, в англосаксонских странах традиционны ранняя сепарация от родителей и начало трудовой деятельности; в то же время в государствах Северной Европы, отличающихся сильной системой социальной поддержки, молодежи дается время на длительный поиск себя [Serracant, 2015, Р. 41–42]. В обществах со слабой государственной системой социального обеспечения или с сильными семейными традициями (страны Южной Европы, Латинской Америки, афро-азиатского региона) принято в первую очередь опираться на семейные ресурсы и поддержку близких.

В регионах, находящихся в эпицентре вооруженных действий или имеющих сложную криминогенную обстановку, режим взросления подчинен правилам выживания в экстремальных ситуациях. Таковы, например, многие бедные афро-азиатские и латиноамериканские страны. Известна широкая вовлеченность подростков и молодежи стран Африки в военные группировки или бандформирования. В современной африканистике набирает популярность термин «поколение ожидания» в отношении молодых

африканцев, транзит от юности к зрелости которых нельзя назвать простым [Honwana, 2012]. Также немало социальных исследований посвящено изучению членов молодежных банд в странах Латинской Америки [Reguillo, 2012]. Кстати, стоит подчеркнуть традиционно особую роль молодежи в латиноамериканской публичной политике: знаменитая аргентинская реформа демократизации высшего образования в результате студенческой революции Национального университета Кордовы (1918 г.) послужила триггером для активистской деятельности следующих поколений молодых латиноамериканцев [Balardini, 2002].

Наконец, существуют страны, которым свойственны глокальные модели взросления, то есть сочетающие в себе глобальные поколенческие тренды со специфическими «местными» особенностями. На наш взгляд, к таким можно отнести и Россию.

Глокальные тренды взросления: российская специфика

Поскольку жизненные траектории отечественной молодежи находятся под значительным влиянием региональных различий, для нашей страны характерны общеевропейские и локальные тренды взросления. По словам демографа Е.С. Митрофановой, модель взросления сегодняшнего постсоветского поколения молодежи (особенно жителей столиц и больших городов) «композиционно» схожа с европейской (хотя различия в динамике по-прежнему ощутимы), а сам процесс взросления трансформировался из «раннего, ускоренного и простого» в «поздний, растянутый и сложный» [Митрофанова, 2019а, с. 68]. Е.С. Митрофанова фиксирует замедление процесса взрос-

ления за счет откладывания наступления демографических событий, брака и первоочередной нацеленности на получение высшего профессионального образования – события, которое у более старших поколений россиян не входило в число приоритетных.

Исследователи часто отмечают, что в среде российской молодежи традиционная модель «учеба – работа» трансформировалась «в длительный процесс взаимосвязанного попеременного или параллельного получения и возобновления учебы и работы» [Терентьев, 2016, с. 19]. Причем для молодых людей особую ценность приобретают статусные атрибуты образования – дипломы и сертификаты об окончании специализированных курсов, информация в трудовой книжке о приобретенном опыте работы и т. п. Примечательно, что, согласно исследованиям известного американского социолога А. Инкелеса, создателя так называемой аналитической модели «современной личности», такое внимание к получению образования и освоению полезных компетенций, в том числе их формальным составляющим, является ключевым отличием современного (модернистского) мировоззрения от традиционного (традиционалистского) [Inkeles, Smith, 1974].

Естественно, что ориентация на получение высшего образования свойственна прежде всего юным жителям больших городов. Например, об этом свидетельствуют результаты опросов петрозаводских и новосибирских старшеклассников. Так, в ближайших планах учеников выпускных классов школ Карелии – продолжение образования (2013 г., N = 2 832): три четверти одиннадцатиклассников собираются поступать в вуз, каждый пятый планирует учиться в ссузах (20%) и лишь 2% нацелены искать работу без продолжения образования [Терентьев, 2016, с. 21]. Схожие тенденции фиксируют

исследователи, изучавшие образовательные и профессиональные планы старшеклассников Новосибирска [Новые смыслы..., 2015]. По их словам, состав выпускников средних школ Новосибирска стал более «демократичным», до окончания дневной одиннадцатилетней школы стали «добегать» больше выходцев из низкостатусных семей (рабочих, работников сферы обслуживания и т. п.). В то же время иными представляются образовательные стратегии старшеклассников сельских школ. Здесь к выпускному классу остается больше детей представителей «элитных» страт (специалистов с высшим образованием) и меньше выходцев из низкостатусных слоев (рабочих). Вероятно, это связано с тем, что большая часть учащихся из слабых социальных групп приняла решение не получать полное среднее образование в школе, уйдя в колледжи или начав трудовую деятельность [Новые смыслы..., 2015, с. 222–223].

Согласно результатам исследований Института социологии РАН, с точки зрения доступности качественного образования сельская молодежь является одной из наиболее социально уязвимых групп в России [Абанкина, Красицова, Ястребов, 2012, с. 90]. Социолог Г.Г. Силласте отмечает, что ориентированность социальной политики России в сфере образования исключительно на молодых горожан и сложные условия жизни в российской глубинке вынуждают наиболее активную молодежь переезжать из сел в города [Силласте, 2004]. Вместе с тем сельские юноши и девушки традиционно отличаются от своих городских сверстников более скромными достижениями установками и притязаниями. Например, примечательны данные, фиксирующие степень реализации планов молодежи поступить в вуз по окончании школы в зависимости от объема

социального капитала родителей. Так, по результатам одного из опросов молодежи Новосибирской области, планы на поступление реализовались у 76,2% детей руководителей, проживающих в крупных городах, и только у 53,8% детей сельскохозяйственных рабочих [Новые смыслы..., 2015, с. 209]. Таким образом, сельская молодежь представляет собой массовую слабых ресурсную группу, на примере которой наглядно видно, как дефицит социокультурных и материальных ресурсов сказывается на формировании образовательных стратегий.

Кроме того, данную тенденцию можно объяснить с помощью концепции аспирационного капитала (*aspirational capital*), предложенной британской исследовательницей Т. Басит [Basit, 2012]. Она связывает высокие карьерные амбиции молодых людей с позитивными ожиданиями и поддержкой со стороны их близких. Причем, по мнению Басит, в некоторых слабых ресурсных семьях аспирационный капитал во многом заменяет недостающие резервы социального капитала. Можно предположить, что и для российской молодежи из провинции, выросшей в малообеспеченных и низкостатусных семьях, «надежды» родителей в некоторых случаях могут повысить шансы на жизненный успех.

Французские исследователи Ж. Руо и О. Жозеф выделяют следующие типы профессиональных траекторий современных выпускников [Rouaud, Joseph, 2014]: быстрое трудоустройство по окончании учебного заведения; трудоустройство после небольшого периода незанятости; временная безработица; продолжительный период безработицы; получение дополнительного образования и/или совмещение учебы и работы. Данные траектории, как правило, обычны для многих стран мира, а выпускников учебных заведений,

не сумевших в нынешних обстоятельствах быстро найти работу, нельзя считать неуспешными.

Нормальна подобная ситуация и для отечественных выпускников. Результаты глубинных интервью, проведенных автором настоящей статьи с представителями российского поколения миллениалов (жителями столицы), показали, что они достаточно часто делают выбор в пользу форм нестандартной занятости, позволяющих совмещать работу и учебу [Ядова, 2017]². Причем различия в выборе респондентами образовательных и профессиональных стратегий зависят от их системы ценностей. Те, кто демонстрирует модернистские установки, стараются не ограничиваться одним образованием, многие из них нацелены на получение ученой степени или дополнительного образования, в том числе за рубежом. «Модернисты» считают образование эффективным вложением в будущее, и у них есть достаточно четкий план развития собственной карьеры. У «традиционалистов», как правило, проблемы с долгосрочным планированием: даже получая достойное образование, они нередко с трудом представляют, что им это даст в перспективе. Если следовать терминологии датской исследовательницы Р. Гритнес [Grytnes, 2011], предложившей оригинальную классификацию форм молодежной мотивации при выборе профессионального образования, то российскими «модернистами», скорее всего, движут амбициозные цели, а «традиционали-

стами» – равнодушие. Стоит сказать, что современная молодежь, в том числе российская, всё чаще выбирает «калейдоскопный» тип карьеры – «трудоую стратегию, учитывающую индивидуальные особенности личности и позволяющую адаптировать профессиональный маршрут человека к происходящим в его жизни изменениям» [Ядова, 2017, с. 103; Mainiero, Sullivan, 2006]. Вместе с тем гибкость в формировании собственного жизненного и трудового пути не отменяет необходимости приспосабливаться к внешним социальным факторам (например, к постоянно трансформирующемуся рынку труда и т. п.). Таким образом, постсовременный социум требует от российских выпускников профессиональных учебных заведений способности гармонично сочетать «индивидуальное» и «социальное» при выстраивании трудовой карьеры.

Помимо этого, необходимо различать группу вынужденно незанятой молодежи и тех, для кого незанятость является важной идентификационной характеристикой и добровольным выбором: NEET-молодежь (в России и европейских странах), хикикомори (в Японии), твикстеры (в США) [Zudina, 2019]. Часть российской молодежи, прежде всего жители мегаполисов, испытывая усталость от ценностей сверхпотребления, поддерживает идеи дауншифтинга, получившие распространение в странах Запада в конце прошлого столетия [Schor, 1998] и в последние годы набирающие популярность у нас.

2 Интервью проводились в рамках лонгитюдного проекта в 2014 г., его участниками стали 22 «модерниста» и 21 «традиционалист» (учащиеся и выпускники колледжей и вузов Москвы, которые по результатам проведенного ранее социологического опроса (N = 1800) продемонстрировали модернистские или традиционалистские поведенческие установки). Возраст опрошенных составил от 20 до 23 лет. Интервью в зависимости от предпочтений респондентов проводились «лицом к лицу», по телефону и с использованием программ для обмена мгновенными сообщениями. За модернистские качества в исследовании принимались характеристики «современной личности» (согласно концепции А. Инкелеса): открытость изменениям и новому опыту, социальная ответственность и активность, самостоятельность, законопослушность и пр.; под традиционалистскими понимались противоположные современным качества [Inkeles, Smith, 1974].

Если говорить об актуальных проблемах, связанных с изменениями брачно-семейных отношений, то для России – с небольшим запаздыванием – также характерны схожие с общеевропейскими процессы трансформации института семьи. Растет число незарегистрированных союзов, средний возраст вступления в брак и рождения первого ребенка; подверглись изменениям паттерны брачно-партнерских, детско-родительских и других внутрисемейных взаимоотношений; усилился тренд на нуклеаризацию семьи и второй демографический переход, характеризующийся снижением уровня рождаемости [Гурко, 2016; Lesthaeghe, 1991; Sahllins, 2013]. Нередко молодежь, отказываясь от нуклеарной семьи, делает выбор в пользу дезорганизованной семьи [Smith, 2016]. Внимание многих исследователей привлекает феномен расширения родственных связей, фиктивного (*fictive kinship*) и утерянного (*kin loss*) родства [Sahllins, 2013].

Однако, несмотря на значительное сходство российских и европейских тенденций взросления, в нашей стране существуют регионы, которым присущи традиционные модели взросления, прежде всего речь идет о Северном Кавказе. Интересные данные об особенностях взросления на Северном Кавказе приводит Е.С. Митрофанова, опираясь на результаты общероссийского репрезентативного исследования, проведенного в 2013 г. и охватившего поколения 1970–1994 гг. рождения ($N = 4\,367$) [Митрофанова, 2019b]. Она попыталась сравнить наступление событий, предполагающих обретение взрослого статуса, у разных поколений жителей северокавказских республик. По словам Е.С. Митрофановой, события «транзита» от юности к взрослости обычно делят на социодемографические (первая интимная близость, первое партнерство, первый брак и первое

деторождение) и социоэкономические (завершение образования, сепарация от родителей и первое трудоустройство). Выяснилось, что на Северном Кавказе сохраняются более традиционные модели перехода во взрослую жизнь, нежели в других российских регионах. Так, события в брачной и репродуктивной сферах взаимообусловлены, а официально зарегистрированные браки остаются основной формой совместного проживания; рождение первого ребенка происходит в более раннем возрасте, количество детей в семьях в среднем больше по сравнению с семьями жителей других регионов; гендерные различия в социодемографическом поведении почти отсутствуют, а в социально-экономическом – выражены сильнее, чем в других регионах. Кроме того, первое трудоустройство юношей и девушек на Северном Кавказе происходит позже, чем у их сверстников из других российских регионов [Митрофанова, 2019b, с. 137]. Вместе с тем представленные данные указывают и на некоторые признаки демографической модернизации. Так, наблюдается большее по сравнению с предшествующими поколениями северокавказских юношей разнообразие в тех или иных событиях, маркирующих процесс взросления, то есть в этой возрастной группе единая поведенческая норма заменяется широкой вариацией жизненных маршрутов, тогда как северокавказские девушки продолжают демонстрировать более традиционные образцы поведения [Митрофанова, 2019b, с. 139].

Примечательны также данные социологического опроса молодых женщин ($N = 756$), проведенного в 2018 г. в Карачаево-Черкессии регионоведом К.И. Казениным [Казенин, 2019]. Оказалось, что, несмотря на высокую значимость традиционных семейных ценностей, в данном регионе фиксируется

возросшая тенденция на увеличение возраста вступления женщин в первый брак. Интерес демографов и социологов к Северному Кавказу как, наверное, к наиболее яркому инациональному региону Российской Федерации, обладающему ярко выраженными устоявшимися традициями социальной жизни, вполне объясним. Однако, как видим, и здесь имеют место демографические трансформации.

Нам представляется, что при изучении межрегиональных различий в моделях взросления российской молодежи целесообразен комплексный подход, учитывающий сложность и многообразие социальных и личностных факторов, влияющих на изучаемый процесс в каждом конкретном регионе (а зачастую и в отдельном городе). Обратимся, например, к результатам масштабного опроса студентов вузов и ссузов, проведенного Центром молодежных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г. в четырех российских городах: Санкт-Петербурге, Ульяновске, Казани и Махачкале (N = 3 200). Анализируя полученные данные, социологи обнаружили, что молодежные ценностные ориентации и «картины мира» настолько специфичны в каждом из названных городов, что впору говорить об «уникальном ценностном портрете живущей там молодежи» [Елкина, 2020, с. 185]. Так, согласно опросу, молодежь Ульяновска демонстрировала не только лояльность к власти, но и агрессивные, ксенофобные установки; для молодых петербуржцев оказались более близкими, чем для респондентов из других регионов, ценности гендерного равенства и сексуальной свободы; студентов Казани отличали ориентация на пацифизм, а молодых махачкалинцев – приверженность патриархально-религиозным ценностям.

Объяснить данный феномен можно тем, что ключевыми в формировании

молодежной идентичности «становятся локальные, традиционные ценности, характерные для конкретного города» [Елкина, 2020, с. 197]. Вероятно, зафиксированный тренд на «разность» и «мозаичность» жизненных миров нынешней российской молодежи стоит учитывать и при проведении других исследований ювентологической проблематики, в том числе касающихся трендов взросления. Впрочем, в социальных реалиях пластичного постмодернистского социума такая тенденция не вызывает удивления. Вместе с тем для российского общества в будущем может стать актуальным ряд вопросов. Например, насколько реально возникновение внутрипоколенческих региональных «разрывов», вызванных различиями в ценностях и условиях жизни отечественных миллениалов и центениалов? Может ли это спровоцировать социальные конфликты в мегаполисах, где будут сталкиваться представители одной генерации, но разных «формаций»? Либо принадлежность к одному поколению выполнит функцию «плавильного котла» и не допустит возможного противостояния?

Кстати, по мнению ряда социологов [Portes, 1998; Ядов, 2001], успешность траекторий жизненного пути каждого человека зависит от его «личностного» капитала – комплекса личностных и социальных ресурсов. Для нашей страны наиболее «сильными» ресурсами можно считать следующие: стартовый капитал социального происхождения (то есть воспитание в достаточно высокостатусной родительской семье); высокий уровень образования и профессиональной подготовки; относительное материальное благополучие; молодой возраст как естественный ресурс (впрочем, напомним, что для некоторых социально ущемленных групп молодежи, например сельской, возрастные преимущества не вполне оче-

видны); наличие обширной сети межличностных связей и знакомств; проживание в крупном городе (а лучше в столице или мегаполисе); хорошие способности к адаптации и открытость новому опыту; адекватная самооценка, интернальный локус контроля [Ядов, 2001, с. 314–317]. Кроме того, при некоторых обстоятельствах (в зависимости от региона) определенная этническая и/или религиозная принадлежность может стать дополнительным ресурсом или, наоборот, проблемой. Думается, невозможно исследовать региональные тенденции взросления постсоветской молодежи без учета локального социального контекста и вне рамок подобного ресурсного подхода.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что для российского социума характерны глобальные модели взросления, опирающиеся на европейские тренды и специфические «местные» эффекты. Существенное региональное расслоение, присущее нашему обществу, формирует широкую сеть возможных «маршрутов» жизненных траекторий молодежи. По мнению ряда зарубежных и отечественных исследователей, процесс взросления во многих странах мира, включая Россию, становится более поздним, сложным и разнообразным. В этих условиях особую значимость приобретают социально-региональные различия, в рамках которых развиваются те или иные модели взросления. Так, «транзит» от юности к зрелости молодежи столицы и мегаполисов России схож с траекториями взросления молодых европейцев и сильно отличается, например, от процесса становления молодежи Северного Кавказа (впрочем, и в считающихся «тради-

ционными» регионах исследователями фиксируются модернизационные тенденции). Кроме того, стоит отметить ключевое влияние на формирование взглядов отечественной молодежи локальных (уникальных) особенностей, характерных для конкретного места проживания (например, города). Возможен ли в связи с этим в будущем внутриспоколенческий конфликт в среде миллениалов и центениалов, покажет время. На наш взгляд, сегодняшний тренд на удлинение периода молодости можно рассматривать как один из способов адаптации новых поколений к сложным и стремительно меняющимся («текущим», по словам З. Баумана) реалиям эпохи позднего модерна.

Список литературы

- Абанкина Т.В., Красилова А.Н., Ястребов Г.А. Образование как старт для жизни: жизненные планы сельских школьников в России // Вопросы образования. – 2012. – № 2. – С. 87–120.
- Блоссфельд Х.-П., Хьюинк И. Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. 9, № 1. – С. 15–44.
- Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Институт социологии РАН. – 210 с.
- Елкина О. Векторы солидаризации молодежи: ценностный аспект // Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – С. 181–197. – DOI: 10.17323/978-5-7598-2128-1_181-197.
- Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: молодежь NEET на рынке труда в России // Мир России. – 2019. – Т. 28,

№ 1. – С. 140–160. – DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160.

Майорова-Щеглова С.Н., Митрофанова С.Ю. Раннее взросление или инфантилизация: парадокс событийности современного детства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13, Вып. 1. – С. 25–39. – DOI: 10.21638/spbu12.2020.102.

Митрофанова Е.С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. – 2019а. – С. 53–82. – DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10427.

Митрофанова Е.С. Переход во взрослую жизнь: сравнение Северного Кавказа с общероссийской картиной // The Journal of Social Policy Studies. – 2019b. – Т. 17, № 1. – С. 133–141. – DOI:10.17323/727-0634-2019-17-1-133-141.

Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования / Константиновский Д.Л., Абрамова М.А., Вознесенская Е.Д., Гончарова Г.С., Костюк В.Г., Попова Е.С., Чередниченко Г.А. – Москва: ЦСП и М, 2015. – 232 с.

Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с. – DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1.

Силласте Г.Г. Влияние СМИ на жизненные планы сельской учащейся молодежи // Социологические исследования. – 2004. – № 12. – С. 95–102.

Терентьев К.Ю. Образовательные стратегии российской молодежи: к построению типологии // Вестник СПбГУ. – 2016. – Сер. 12, Вып. 2. – С. 17–27. – DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.202.

Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты //

Социологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 53–74.

Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: Возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? – Москва: МВШСЭН, 2001. – С. 310–319.

Ядова М.А. Образовательные и профессиональные стратегии постсоветской молодежи // Россия и современный мир. – 2017. – № 2. – С. 91–104. – DOI: 10.31249/rsm/2017.02.06.

Arnett J.J. Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens Through the Twenties // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55, N 5. – P. 469–480.

Balardini S. Córdoba, «Cordobazo» y Después: Mutaciones del Movimiento Juvenil en Argentina // Movimientos Juveniles: de la Globalización a la Antiglobalización. – 2002. – P. 37–58.

Basit T.N. «My Parents Have Stressed That Since I Was a Kid»: Young Minority Ethnic British Citizens and the Phenomenon of Aspirational Capital // Education Citizenship and Social Justice. – 2012. – Vol. 7, N 2. – P. 129–143. – DOI: 10.1177/1746197912440857.

Bauman Z. The Individualized Society. – Cambridge: Polity Press, 2001. – 272 p.

Danesi M. Forever Young: The Teen-Aging of Modern Culture. – Toronto: University of Toronto Press, 2003. – 144 p.

Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. – Cambridge: Polity Press, 2015. – 245 p.

Grytnes R. Making the Right Choice! Inquiries into the Reasoning Behind Young People's Decisions about Education // Young. – 2011. – N 19. – P. 333–351.

Honwana A. The Time of Youth: Work, Social Change, and Politics in Africa Sterling. – VA: Kumarian Press, 2012. – 240 p.

Inkeles A., Smith D. *Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries*. – Cambridge : Harvard University Press, 1974. – 436 p.

Kazenin K. Family Traditionalism and Age-Specific Nuptiality Patterns: What Does the Example of Karachay-Cherkessia Point to? // Демографическое обозрение. – 2020. – Vol. 6, N 5. – P. 94–119. – DOI: 10.17323/demreview.v6i5.11462.

Lesthaeghe R. *The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation*. – Bruxelles : Vrije Universiteit, 1991. – 314 p.

Mainiero L.A. *The Opt-Out Revolt: Why People Are Leaving Companies to Create Kaleidoscope Careers*. – Mountain View (CA) : Davies-Black, 2006. – 400 p.

Ng E.S.W., Schweitzer L., Lyons S.T. New Generation, great expectations: a field study of the Millennial generation // *Journal of Business and Psychology*. – 2010. – Vol. 25, N 2. – P. 281–292.

Portes A. Social capital: Its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – Vol. 24. – P. 1–24.

Reguillo R. *Memories of the Future: The Mara: Contingency and Affiliation with Excess* // *Young*. – 2012. – Vol. 20, N 4. – P. 345–355. – DOI: 10.1177/110330881202000403.

Rouaud P., Joseph O. *Quand l'École est finie: Premiers pas dans la vie active*. – Paris : Céreq, 2014. – 92 p.

Sahlins M. *What Kinship Is – and Is Not*. – Chicago : University of Chicago press, 2013. – 120 p.

Schor J.B. *The Overspent American: Upscaling, Downshifting and the New Consumer*. – New York : Basic Books, 1998. – 272 p.

Serracant P. The Impact of the Economic Crisis on Youth Trajectories: A Case Study from Southern Europe // *Young*. – 2015. – Vol. 23, N 1. – P. 39–58. – DOI: 10.1177/1103308814557398.

Smyth L. The Disorganized Family: Institutions, Practices and Normativity // *British Journal of Sociology*. – 2016. – P. 1–19. – DOI: 10.1111/1468-4446.12217.

Sztompka P. *Society in Action: The Theory of Social Becoming*. – Cambridge : Polity Press, 1991. – 219 p.

Twenge J.M. *iGen: Why Today's Super-Connected Kids are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood – And what that Means for the Rest of Us*. – New York : Atria Books, 2017. – 352 p.

Understanding Generation Y and Their use of Social Media: a Review and Research Agenda / Bolton R.N. [et al.] // *Journal of Service Management*. – 2013. – Vol. 24, N 3. – P. 245–267.

Walther A. Regimes of Youth Transitions: Choice, Flexibility and Security in Young People's Experiences across Different European Contexts // *Young*. – 2006. – Vol. 2, N 14. – P. 119–139. – DOI: 10.1177/1103308806062737.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.06

Growing Up Trends of Modern Russian Youth: A Regional Aspect

Maiya A. YADOVA

Cand. Sci in Sociology, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: m.yadova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2988-1513

CITATION: Yadova M.A. (2022). Growing Up Trends of Modern Russian Youth: A Regional Aspect. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 102–116 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.06

Received: 26.05.2022.

Revised: 18.07.2022.

ABSTRACT. *The paper considers the regional differences in growing up trends of the modern Russian youth. The key factors following the growing up process of the post-Soviet generations including millennials and Z are identified. The author underlines that the growing up models in the 21st century are affected by certain social, cultural and economic specifics of the regions. Russia with its major regional variety has glocal – common European and local – growing up trends. Capital and big city residents are characterized by the growing up model similar in composition manner to the European one (although dynamics of life events referring to the “adult” status transition still differ) and the growing up process itself is destandardized becoming more complex, late and extending in time. The social research findings including the one conducted by the author hereby identify the following growing up trends of modern Russian youth (primarily urban): postponing the starting demographic milestones (separation from parents, gaining financial independence, first employment, marriage, birth of the first child), intention towards higher pro-*

fessional education, including interest in continuous educational trends. At the same time, young people in some Russian regions (first of all those not belonging to the European part of Russia like the North Caucasus or peripheral / rural areas of Siberia) are characterized by more traditional models of transition to adult life. Besides, the author considers the social and structural forming conditions (primary capital of social origin, other individual and social recourses) of the post-Soviet young people and their connection to the common-world growing up trends.

KEYWORDS: growing up trends, regional differences, Millennial and Z generations, Russian youth, urban and rural youth.

References

Abankina T.V., Krasilova A.N., Iastrebov G.A. (2012). Education as a Start in Life: Life Planning for Rural Students in Russia. *Voprosy obrazovaniya*, no. 2, pp. 87–120 (in Russian).

- Arnett J.J. (2000). Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens Through the Twenties. *American Psychologist*, vol. 55, no. 5, pp. 469–480.
- Balardini S. (2002). Córdoba, «Cordobazo» y Después: Mutaciones del Movimiento Juvenil en Argentina. *Movimientos Juveniles: de la Globalización a la Antiglobalización*, Barcelona: Ariel, pp. 37–58.
- Basit T.N. (2012). «My Parents Have Stressed That Since I Was a Kid»: Young Minority Ethnic British Citizens and the Phenomenon of Aspirational Capital. *Education Citizenship and Social Justice*, vol. 7, no. 2, pp. 129–143. DOI: 10.1177/1746197912440857.
- Bauman Z. (2001). *The Individualized Society*, Cambridge : Polity Press, 272 pp.
- Blossfeld H.-P., Huinink J. (2006). Life Course Research in Social Sciences: Topics, Conceptions, Methods and Problems. *Zhurnal of Sotsiologii and Social'noy Anthropologii*, vol. 9, no. 1, pp. 15–44 (in Russian).
- Cherednichenko G.A. (2013). The Education and Professional Trajectories of Young People: Research Concepts. *Sotsiologicheskij Zhurnal*, no. 3, pp. 53–74 (in Russian).
- Danesi M. (2003). *Forever Young: The Teen-Aging of Modern Culture*, Toronto : University of Toronto Press, 144 pp.
- Elkina O. (2020). The Vectors of Youth Solidarization: A Value Aspect. *Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities*, Moscow : HSE Publishing House, pp. 181–197 (in Russian). DOI: 10.17323/978-5-7598-2128-1_181-197.
- Esping-Andersen G. (2015). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*, Cambridge : Polity Press, 245 pp.
- Grytnes R. (2011). Making the Right Choice! Inquiries into the Reasoning Behind Young People's Decisions about Education. *Young*, no. 19, pp. 333–351.
- Gurko T.A. (2016). *Theoretical Approaches to Family Studies*, Moscow : IS RAN, 210 pp. (in Russian).
- Honwana A. (2012). *The Time of Youth: Work, Social Change, and Politics in Africa* Sterling, VA : Kumarian Press, 240 pp.
- Inkeles A., Smith D. (1974). *Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries*, Cambridge, MA : Harvard University Press, 436 pp.
- Kazenin K. (2020). Family Tradition-alism and Age-Specific Nuptiality Patterns: What Does the Example of Karachay-Cherkessia Point to? *Demographic Review*, vol. 6, no. 5, pp. 94–119. DOI: 10.17323/demreview.v6i5.11462.
- Lesthaeghe R. (1991). *The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation*, Bruxelles : Vrije Universiteit, 314 pp.
- Mainiero L.A. (2006). *The Opt-Out Revolt: Why People Are Leaving Companies to Create Kaleidoscope Careers*, Mountain View : Davies-Black, 400 pp.
- Mayorova-Shcheglova S.N., Mitrofanova S.Yu. (2020). Early Maturation or Infantilization: The Paradox of Modern Childhood Events. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, vol. 13, issue 1, pp. 25–39 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu12.2020.102.
- Mitrofanova E. (2019b). Entering Adult Life: North Caucasus in Comparison to Other Regions of Russia. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 17, no. 1, pp. 133–141 (in Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-133-141.
- Mitrofanova E. (2019a). Models of the Transition to Adulthood of Different Russian Generations. *Demographic Review*, vol. 6, no. 4, pp. 53–82 (in Russian). DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10427.
- Ng E.S.W., Schweitzer L., Lyons S.T. (2010). New Generation, Great Expectations: A Field Study of the Millennial Generation. *Journal of Business and Psychology*, vol. 25, no. 2, pp. 281–292.
- Noviye smisli... (2015) Konstantinovskiy D.L. et al. *New Meanings in Educational Strategies of Youth: 50 Years of Research*, Moscow: Social Forecasting

and Marketing Center Publ, 232 pp. (in Russian).

Portes A. (1998). Social capital: Its origins and applications in modern sociology. *Annual Review of Sociology*, vol. 24, pp. 1–24.

Radaev V.V. (2019). *Millennials: How the Russian Society Changes*, Moscow: HSE, 224 pp. (in Russian). DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1.

Reguillo R. (2012). Memories of the Future: The Mara: Contingency and Affiliation with Excess. *Young*, vol. 20, no. 4, pp. 345–355. DOI: 10.1177/110330881202000403.

Rouaud P., Joseph O. (coord.) (2014). *Quand l'École est finie: Premiers pas dans la vie active*, Paris: Céreq, 92 pp.

Sahlins M. (2013). *What Kinship Is – and Is Not*, Chicago: University of Chicago press, 120 pp.

Schor J.B. (1998). *The Overspent American: Upscaling, Downshifting and the New Consumer*, New York: Basic Books, 272 pp.

Serracant P. (2015). The Impact of the Economic Crisis on Youth Trajectories: A Case Study from Southern Europe. *Young*, vol. 23, no. 1, pp. 39–58. DOI: 10.1177/1103308814557398.

Sillaste G.G. (2004). The Influence of the Mass Media on the Life Plans of Rural Students. *Sociological Research*, no. 12, pp. 95–102.

Smyth L. (2016). The Disorganized Family: Institutions, Practices and Normativity. *British Journal of Sociology*, pp. 1–19. DOI: 10.1111/1468-4446.12217.

Sztompka P. (1991). *Society in Action: The Theory of Social Becoming*, Cambridge: Polity Press, 219 pp.

Terentev K.Yu. (2016). Educational Strategies of Russian Youth: the Construction of a Typology. *Vestnik SPBGU*, ser. 12, iss. 2, pp. 17–27 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.202.

Twenge J.M. (2017). *iGen: Why Today's Super-Connected Kids are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood – And what that Means for the Rest of Us*, New York: Atria Books, 352 pp.

Understanding Generation Y and Their use of Social Media: a Review and Research Agenda (2013) / Bolton R.N. [et al.]. *Journal of Service Management*, vol. 24, no. 3, pp. 245–267.

Walther A. (2006). Regimes of Youth Transitions: Choice, Flexibility and Security in Young People's Experiences across Different European Contexts. *Young*, vol. 2, no. 14, pp. 119–139. DOI: 10.1177/1103308806062737.

Yadov V.A. (2001). Social Resource of Individuals and Groups as Their Capital: An Applicability of the Universal Methodology of the Study of Real Stratification in Russian Society. *Where is Russia going?*, pp. 310–319 (in Russian).

Yadova M.A. (2017). The Educational and Professional Strategies of the Post-Soviet Youth. *Rossiya i Sovremennyy Mir*, no. 2, pp. 91–104 (in Russian). DOI: 10.31249/rsm/2017.02.06.

Zudina A.A. (2019). The NEET Youth in the Russian Labor Market. *Mir Rossii*, vol. 1, no. 28, pp. 140–160 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160.